

Тинт Линда

Часы остановившие время

роман-фэнтези

12+

Линда Тинт

Часы остановившие время

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Тинт Л. С.

Часы остановившие время / Л. С. Тинт — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Джулиан живет в петербургском хостеле, пока однажды не знакомится с его странным обитателем, делающим ей необычный литературный заказ - написать две истории, открывающие человечеству глаза на природу смерти. Незнакомец отправляет Джулиан в волшебное путешествие в миры, недоступные нигде, кроме снов и воображения - в воспоминания юной писательницы и в прошлое самого заказчика. Фэнтези-трилогия о неслучайных совпадениях, о природе удачи и о том, что делает человека героем в любом мире - о смелости и решительности.

© Тинт Л. С., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	8
Глава 4	10
Глава 5	12
Часть 2	14
Глава 1	15
Глава 2	18
Глава 3	20
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

“Настоящий хозяин человека – время”
Джек Лондон

Часть 1

Необычный заказ

Глава 1

Артефакт

Невский проспект стал от жары совсем тесным. Сквозь плотный воздух, огибая компании фланеров, шел высокий прохожий в каштановом сюртуке. Его золотистая бахрома, перекликаясь с цветами замысловатой прически и сияя на солнце, сливалась с отражениями в витринах, а сам господин был так стремителен, что уловить его ленивым гуляющим взглядом было невозможно. От внимательного же взора, каких в разгар июня в центре Петербурга надо искать, не ускользнуло, что глаза у прохожего – ядовито-оранжевые, незагорелое лицо плоско, как лист бумаги, а полы сюртука не развеваются на ветру, неестественно статичные. Ему можно было дать лет тридцать, если бы на висках не проблескивала бриллиантовая седина, а гладкое лицо при близком рассмотрении не выдавало мифологическую древность его черт.

Набросив на голову старомодную бархатную шляпу, прохожий свернул в один из извиляющихся переулков и вскоре остановился перед вывеской «Артефакт», висящей над входом в одну из тех незапоминающихся полугостиниц-полухостелов Петербурга, которые обычно снимают на ночь. Тяжелая деревянная дверь заведения отворилась, и каштановый сюртук вместе с его обладателем растворился в засасывающей темноте холла.

Глава 2

Бывший чердак

Директор гостиницы «Артефакт», являвшейся параллельно неофициальным ночным клубом, был не в духе. Пришли счета за неуплату водопровода, а тут еще как назло уволился главный бухгалтер. Все располагало к тому, чтобы официантка, принеся обед, стала мишенью накопившегося гнева.

– Светлана, я же просил без соли, – пропел директор, дотошно изучив поверхность поданной яичницы. – Почему люди меня не понимают? Нет, каждый раз, когда я что-то прошу, они не слушают меня и делают по-своему – и даже Вы..

Официантка вздохнула, выслушивая традиционные жалобы слабонервного начальства, и отметила про себя, что это был первый рабочий день, когда она пересолила блюдо. “Я приготавливаю для Вас другую яичницу, Алексей Петрович”, – сказала она бесцветным голосом, равнодушно глядя под стол.

– Разумеется, Светлана, – промямлил директор, постаравшись придать голосу выражение попранной гордости. – Разумеется, – повторил он уже менее выразительно, все еще глядя на подчиненную, но мыслями пребывая уже в области, связанной с расчетами и долгами, а также предстоящим совещанием городских депутатов, обещавших выделить средства на ремонт.

Вовремя исчезнув из кабинета, Света едва не сшибла идущую по коридору постоялицу переходного возраста. Света припомнила, что та уже два месяца обитала в номере, прилегающем к чердаку. Она представлялась всем как студентка из Москвы, но толком ее никто не знал; обычно, позавтракав мимолетно в трактире, обитательница уносилась в город, не оставляя постояльцам и обслуживающему персоналу ничего, кроме простора для пересудов. Рассеянно извинившись, девушка устремилась в конец коридора, туда, где находились самые дешевые номера и куда Светлане приходилось доходить крайне редко. Покачав головой и таким образом выразив осуждение непривычной скромности, официантка подняла оброненный поднос и направилась на кухню.

Тем временем девушка была уже в комнате, состоящей из холодного от вентилятора пространства между потрепанными занавесками, низким потолком и стенами, расписанными неизвестным художником, предыдущим жильцом. В течение двух месяцев, живя в крошечном гостиничном номере, Джулиан сочиняла пьесу. Контракт с московским театром был на грани срыва, потому что прошла уже неделя с тех пор, как пьеса должна была быть представлена сценаристу. У Джулиан закончились деньги, и при встрече с официанткой она извинилась почти автоматически, вспомнив, что через три часа ей будет нечем платить за обед. Директор уже неделю грозился выселить ее за неуплату – однако в последнее время он смягчился, отвлеченный более масштабными неприятностями. Например, вчера почти на весь день отключили водопровод, из-за чего отменилось ночное шоу в баре.

Вспомнив, каким легким выдалось питерское утро, в обычные дни тяжелое, как желе, Джулиан села за клавиатуру, от которой почти не отрывалась последние две недели, и принялась набирать текст сатирической пьесы. Мысли произвольно всплывали в голове, оформляясь в язвительные строки. Тема, заказанная театром, звучала как «Свободная Россия – будни российских политиков» Горничная не приходила уже несколько дней, потому что номер был не оплачен, и на клавиатуре темнели пятна неостывшего кофе.

Глава 3

Бездонная пустота озер

Дописав длинное письмо к московскому знакомому, Джулиан, чувствуя, что желудок, в котором было пусто со вчерашнего дня, разрывается от боли, спустилась в ресторан, чтобы съесть что-нибудь на последнюю мелочь. Заняв свой обычный столик у окна, она стала ждать. Официантка Света появилась тут же и принесла несколько неожиданных, любимых Джулиан блюд, которые она позволяла себе только по выходным – сырнй пирог, сухое белое вино и мятный шоколад. Аня отодвинула поднос с предложенными яствами. К слову, вечер в ресторане был экономически удачным – стены были торжественно украшены, повсюду отдыхали нарядные посетители, солидные женщины тут и там изучали винные карты – однако ни одного из них Джулиан, несмотря на 2 месяца, проведенных в гостинице, не могла узнать. «Все в порядке, за вас оплачено,» – радостно сообщила официантка, читая мысли Джулиан по нахмурившимся бровям и, не дав Джулиан возможность перекрыть шум разговоров и оркестра, унеслась к новоприбывшим посетителям.

Разговоры в зале становились громче и запутаннее, оркестр гремел, а Джулиан не решалась притронуться к пище, заинтригованная тем, кто мог за нее заплатить. Прибывало все больше гостей, заполняя воздух блеском нетрадиционно старомодных коле и пенсне. Вечер становился похожим на собрание антикварных аристократов на том свете по случаю чьего столетнего юбилея, подумала Джулиан со смешком. Разглядывая колоритных гостей, она лихорадочно обдумывала, что из принесенных ей блюд может стоить 50 рублей, чтобы можно было уйти с достоинством. Снова прочитав ее мысли, перед столиком появилась Светлана, держа в руках поднос со стаканом крепкого чая.

– Кто заказал мне всю эту еду? – тут же спросила Джулиан, выпивая чай почти залпом.

– Вы узнаете об этом позже, – заявила Светлана и, спохватившись, добавила более естественным тоном, – он передал вам записку.

Развернув листок, Джулиан прочитала фразу, написанную неровным бисерным почерком: «Ешьте и пейте, потом мы с вами увидимся и все будет объяснено. Приходите в номер 6».

Джулиан нахмурилась и выпрямила спину, осознав, что за ней наблюдают. Комната номер 6 выделялась для «важных персон». При мысли о том, что правительство решило проучить ее за неугодные власти пьесы, в сознании Джулиан с удвоенной силой взметнулись прозаические эпитеты, клеймящие политику. Однако, судя по всему, в чай было что-то добавлено, потому что мышцы неожиданно расслабились и Джулиан почувствовала неостановимый голод – через несколько минут помутнения она съела все, что было заказано на чей-то счет, и даже чуть не попросила еще. Все это время за ней следил старик с ехидным взглядом, сидящий за столиком рядом со сценой, в шумной компании, пестрящей вычурными средневековыми аксессуарами. Джулиан, поглощая пирог, не замечала пристального взгляда – как и ничего вокруг, до тех пор, пока к ее столу не приблизился высокий молодой человек в разноцветном шелковом костюме.

– У Вас свободно? – поинтересовался он. Джулиан, то ли от вина, то ли от заразительного хмельного настроения, царящего в зале, молча кивнула. Лицо незнакомца обрамляли темные волосы, такие яркие, что они казались связанными из выгоревших южных трав. В застывшем выражении глаз сквозила отстраненность античных статуй.

– Который час? – обратился он Джулиан после минутного молчания. При этом он как-то странно улыбнулся – как больной человек, неуверенный в том, что его правильно поймут.

– Почти полседьмого, – ответила Джулиан, допивая вино, и неожиданно для себя предложила – Угощайтесь.

– Спасибо, – вежливо ответил мальчик и добавил с еле заметной улыбкой, – Но это – исключительно для Вас.

Джулиан чуть не выплеснула вино ему на костюм, придя в себя от догадки.

– Так это были Вы? – воскликнула она, – значит, это вы все это оплатили?

– Нет, не я, – успокаивающе улыбнулся он. – Меня зовут Сильва. Все в порядке, еда ваша сегодня бесплатна – но это, так сказать, аванс.

– Кто же сделал мне этот аванс? – поинтересовалась Джулиан, овладев собой и отставив остатки вина в сторону.

– Вы скоро узнаете, – ответил Сильва, невозмутимо оглядывая зал, утонувший в сумеречном блеске зажженных свеч. Начались танцы. К нашему столику приблизилась ярко накрашенная дама с безупречной фигурой в черном платье и, подавая руку Сильве, очевидно с ней знакомому, куда-то его позвала. «Выбери кого-нибудь смертного, – отшутился он, слегка отталкивая от себя красавицу».

– Не люблю танцевать, – обратился он ко мне с пояснением. – Вас ждут в номере 6 тогда, когда Вы сочтете нужным, Джулиан, – без светских переходов добавил он. Веселье поблекло перед ее глазами. «А если я не приду? – дерзко спросила она. Глаза Сильвы приобрели оттенок глубоких озер, на дне которых оседает пустота.

– Он придет к Вам сам, – безмятежно ответил Сильва, как будто речь шла о том, каким будет следующий танец. Медленный вальс под песню Стинга отыграл, и Джулиан, не говоря ни слова, поднялась из-за стола.

– Хорошо, я приду, – сказала она, отрешенно глядя перед собой. – Что бы это ни было. Я хочу узнать, откуда кому-то известны любимые блюда моего детства.

– о, – рассмеялся Сильва, – он знает про вас не только это.

Испытывая прилив смелости, идущий от отчаяния, Джулиан прошла мимо гудящего веселья, пестрящего танцующими и смеющимися раскормленными телами, облаченными в блестящие наряды, и вышла в пустынный коридор. «В любом случае, есть много снотворного» – с горечью подумала она, приготовившись к негативному исходу политического допроса. Она поднялась к себе в комнату, наивно положила драгоценный ноутбук с текстами под одеяло, захватила банку с успокоительным, при передозировке приводящем к длительной коме, и лишь после этого спустилась в вип-сектор гостиницы.

Когда Джулиан постучала в дверь, обозначенную номером 6, раздался спокойный низкий голос «Открыто».

Глава 4

Карлик

Джулиан показалось, что она перенеслась в средневековый замок. Комната простиралась так далеко, что слова человека, стоящего в дальнем углу и разговаривающего по телефону, совершенно не были слышны.

Потолки номера 6 были неизмеримо высокие, что не соответствовало физике гостиницы, а по стенам были развешаны факелы. Пол был слегка освещен – больше света в зале не было. Сминая в руках края толстовки, Джулиан с фальшивой смелостью вышла на середину комнаты. «Здравствуйте, здравствуйте,» – прокричал человек, говоривший по телефону, и бросился из угла к тому месту, где стояла Джулиан, так что она отшатнулась. Свет упал, заставив все ее человеческое существо вздрогнуть, на невероятно уродливого старика карликового роста, с блестящими глазами размером с лампу. Он тут же засуетился, придвигая Джулиан трено-подобное кресло. «Проклятый галлюциногенный чай,» – отчаянно восклицала про себя Джулиан, никак иначе не в силах объяснить то, как вместо гостиничного номера она попала в тронный замок.

– Это Вы оплатили мой обед? – тут же спросила она, стараясь не смотреть на старика, который внушал ей отвращение всем своим изучающим, залезающим в душу видом.

– Да-с, – ответил тот баритоном, негармонирующим с внешним обликом. – Все, как любите: сырный пирог, вино... Все, как любили всегда, Юлия Сергеевна. – старик выразительно гримасничал и все время почему-то подмигивал, выражая, видимо, расположение, отчего Джулиан становилось не по себе все больше, что она мужественно пыталась скрыть.

– Зачем? – поднажала она, – Я, пожалуй, постою, – добавила она, испытав прилив смелости и, пройдя несколько шагов, остановилась у окна, выходящего на Невский проспект, освещенный загорающимися ночными фонарями.

– Вы пишете сатирические пьесы, Юля, – начал старик, неприятно переводя ее имя, в оригинале английское, на русский. Приготовившись к обороне, Джулиан напряженно следила за неопишуемой мимикой старика. – Нам они понравились.

Повисла тишина, нарушаемая шумом пылающих факелов.

– Однако мы бы хотели, чтобы вы сменили дискурс и вместо высмеивания политиков написали бы что-нибудь более правдоподобное, – быстро продолжал старик. Джулиан посмотрела на него с нескрываемым презрением, отчего он хохотнул и довольно продолжил:

– Да-да, мы бы хотели, чтобы Вы написали о губернаторе Санкт-Петербурга, – старик размахивал руками и обошел Джулиан, чтобы заглянуть в ее глаза, в которых презрение сменялось сияющим равнодушием. – Описали бы его добродетель. Его любовь к закону и народу. У Вас, с Вашим талантом, – старик хихикнул, – это вышло бы потрясающе. У вас в руках юность и время... – продолжил он, наблюдая без стеснения за мимикой Джулиан. – Не хотелось бы их погубить.

Она резко развернулась в желании уйти, однако, вовремя вспомнив правила светского приличия и последствия их нарушения, тихо сказала: «Спасибо, я, пожалуй, откажусь от Вашего предложения и буду и дальше жить на чердаке.». «Все равно, что они могут у меня отнять? мне нечего терять» – с отчаянием подумала Джулиан, вспомнив про ампулу в кармане.

– Ну погодите, ох уж эта юношеская импульсивность, – замельтешил старик, сотрясая от смеха свою старомодную золотую мантию, – Обдумайте предложение. Мы переселим Вас в такой же номер, который вы видите сейчас вокруг, – старик властолюбиво охватил рукой старинное пространство, внушавшее Джулиан смесь любопытства и недоверия, – Вы всегда будете есть то, что любите. Ваш труд будет достойно оплачен, и вам никогда – слышите, никогда не придется извиняться перед официантами. Вам не придется их даже видеть.

Джулиан вспыхнула, вспомнив утренний эпизод в коридоре, и в ее уме снова возник вопрос, откуда старик все проведаль. Значит, Светлана работает на них. Одна шайка. И все они читали ее пьесы... Ну и пусть. Джулиан с горечью подумала о том, что теперь ее точно выселят из гостиницы.

Глава 5

Шрамоподобный оскал

– Мне всего этого не надо, – сказала она, отвернувшись к окну и застыв в отрешенной позе самоубийцы, рассчитывающего прыжок. Глаза старика вращались, подгоняя мысли, он обдумывал что-то и ждал чего-то. Джулиан продолжила, словно подтверждая его догадки: «А теперь я уйду собирать свои вещи, завтра меня выселяют».

Когда она развернулась, то вместо старика, скрючившегося на табуретке, в тени зала мерцал господин в длинном каштановом сюртуке. Из темноты он смотрел на Джулиан яркими ядовито-оранжевыми глазами, перекликающимися с огоньками настенных факелов.

– Тебе не придется собирать вещи, – сказал он изменившимся, нечеловечески низкой частоты голосом. – У тебя будет 24 часа на то, чтобы набраться впечатлений на написание двух историй.

Джулиан застыла от удивления.

– Да, да, тебе не нужно будет писать про политиков, – улыбнулся господин – если можно так назвать бесчеловечный шрамоподобный оскал на плоском лице. – Это будет рассказ иного рода. Все так, как ты писала раньше – но про немного другую реальность.

Джулиан кивнула, словно соглашаясь с какими-то внутренними рассуждениями, и спросила «Когда?» Господин в каштановом сюртуке поднялся с табуретки, опираясь на палку со старинной ручкой, отливающей в подсветке факелов блеском камней, которые Джулиан и не снились. А снилось ей многое – и может потому в ней проснулось доверие к необычному заказчику, что ей показалось, будто она его где-то встречала – как и старичка, из которого он воплотился.

– Старик – это был всего лишь символ. Всего того, что вы так ненавидите. – подтвердил ее мысли господин. – Властолюбие, жажду денег, презрение к слабым, аморальность, – перечислял он, загибая пальцы. Можно было подумать, что они принадлежали профессиональному музыканту или фокуснику, если бы не столь же длинные ногти, напоминающие допотопных существ.

– Ты доказала, что являешься тем, что нужно, не купившись на всю эту мишуру, – махнул рукой в сторону прошлого господин.

– Конечно, ты меня знаешь. – Промолвил он, словно отвечая на мысленные вопросы, мучившие Джулиан, которые она не смела спросить. – Как-то раз мы виделись на горе в Акрополе.

Она отчетливо представила эпизод, когда она в 10летнем возрасте поскользнулась во время школьной экскурсии по Акрополю в Греции, и в момент, когда она уже была над горной пропастью и чуть не сорвалась вниз, ее подхватил кто-то из иностранных туристов и она увидела в толпе греков, собравшихся у подножия горы и кричащих что-то в панике, старика, уставившегося ей в глаза с каким-то страшным выражением. Она тогда на весь вечер застыла в молчании от охватившего ее ужаса перед этим взглядом – все в классе подумали, что от страха перед высотой, и засмеяли ее.

– В другой раз, – продолжая вспоминать, говорил господин, горящими глазами изучая каменеющее лицо Джулиан, – Это было в Петербурге. Кажется, кабинет – так называлась комната, где спали дети.

Джулиан никогда не забывала призрака, явившегося ей в пятилетнем возрасте, когда она спала в комнате, заставленной книгами – и называемой кабинетом. Она тогда, соскочив со второго яруса кровати, прибежала в спальню глухой бабушки и пыталась разбудить ее, крича что-то про призрака, прячущегося в ее комнате. Бабушка спала и ничего не слышала, а наутро она оказалась мертвой.

– Тогда вы были ребенком, – В Вас было заложено.. многое, а сейчас вы это воплощаете в абсолютно бесцельном существовании, – усмехнулся господин, во весь рост прохаживаясь по залу. – Люди... – лицо господина обрело снисходительное выражение, – озабочены временными ценностями власти, денег и престижа, – господин протянул длинную, как трость, руку, прикоснувшись к драгоценной люстре, висящей под потолком и переливающейся всеми оттенками живых цветов. – Эти ценности оказываются ничем, когда человек остается один на один с другим человеком. Бессмысленны они и в истории. Бессмертие приносит только то, что является настоящим... Ты можешь написать что-то действительно настоящее... То, что нужно мне, – улыбнулся снова своей безжизненной улыбкой господин.

– Ты напишешь рассказ о том, что находится в недрах загробной жизни, которую так усиленно отвергаете вы все – глупые люди... – снова затараторил он, и его резко почернели, снова напомним карлика.

– Зачем тебе все это? – с тех пор, как Джулиан узнала призрака из детства, она стала обращаться к нему на «ты» – и не могла иначе, как со старым, давно забытым знакомым.

– Я хочу дать человечеству причину не уничтожать себя, – ответил господин, и в его зрачках снова зажегся свет факелов. – Дать им то, с помощью чего вы научитесь свергать своих небожителей... научитесь добиваться своей свободы, избавляться от навязанного детерминизма.

– Когда вы ждете роман? – спросила Джулиан, оглядываясь на дверь. – Мне нужно взять что-нибудь в дорогу?

– Скоро, – заверил призрак и поднялся, огонь в факелах загорелся еще ярче, освещая вход в туннель, ведущий из зала. – Кажется, у тебя мелькала идея выброситься из окна гостиничного номера? Отравиться снотворным? Также ты помышляла и о том, чтобы прыгнуть с Дворцового моста напрямиком в горячую Неву?

– Кажется, я еще не публиковала черновики.

– Любое записанное слово, – печально произнес призрак, – перестает принадлежать тебе.

Джулиан показалось, что призрак смотрит на нее так, как доктор – на безнадежно больного пациента, который еще не знает о своем смертельном диагнозе. Она себя и чувствовала больной – оказывается, все то время, что она жила в Москве и Питере, училась, сочиняла пьесы про каких-то лживых, игрушечных людей, было потерянным, ненастоящим, с течением времени распадающимся на части, как плохая бумага.

– В дорогу ничего не понадобится, – сказал господин и взмахнул тростью.

Гостиница, ресторан, новые пьесы, окна, Нева – всё осталось за спиной Джулиан, отправившейся в путь.

Часть 2

Часы остановившие время

Поэт в тюрьме, больной, небритый, изможденный,
Топча ногой листки поэмы нерожденной,
Следит в отчаянье, как в бездну, вся дрожа,
По страшной лестнице скользит его душа.

Кругом дразнящие, хохочущие лица,
В сознание дикое, нелепое роится,
Сверлит Сомнение мозг, и беспричинный Страх,
Уродлив, многолик, его гнетет впотьмах.

И этот запертый в дыре тлетворной гений,
Среди кружащихся, глумящихся видений, -
Мечтатель, ужасом разбуженный от сна,

Чей потрясенный ум безумью отдается, -
Вот образ той Души, что в мрак погружена
И в четырех стенах Действительности бьется.

Шарль Бодлер, из сборника «Цветы дьявола»[1]

Глава 1

Хрустальный звон над пустотой

Джулиан очнулась в лесу. Холодный мох окутывал ее волосы, затягивая спутавшиеся пряди мятной влагой.

В воздухе колебались неуловимые волны торфяных озер.

Несмотря на обилие живых растений, все казалось обесцвеченным искусственными красками. Сквозь их призму светились кристаллические капли росы на душистых листьях черники, темнела кора деревьев, чьи кроны заплетались в вышине золотистыми оттенками корицы.

Сделав по утопающей земле несколько пробных шагов, Джулиан услышала, как лесной воздух разрезал звонкий спектр человеческого голоса.

– Кто здесь? – повторил кто-то громче. Из-за деревьев приблизилась фигура знакомых, но пока что неидентифицируемых очертаний. Человек остановился на другой стороне болота, затаенного маслянистой тиной, и настороженно вглядывался в Джулиан, словно не веря своим глазам. Спустя несколько мгновений узнавания Джулиан его узнала.

Одно из самых болезненных испытаний – находиться рядом с кем-то и наблюдать за тем как волны мыслей и чувств разбиваются о скалы чужого равнодушия.

Это чувство Джулиан в полной мере испытала с тем, кто застыл на той стороне зацветшего родника.

Прошлое их дружбы, затопленное сериальными субтитрами, постепенно всплывало на зыбкую поверхность ее мыслей.

– Андрей? – крикнула она, все еще надеюсь, что перед ней не настоящее, а призрак, нарисованный отравленным воздухом леса. Осторожный человек энергично закивал и предпринял попытку перейти болото, окончившуюся провалом ноги.

Оглядевшись, Джулиан с щемящим чувством, какое бывает в неуправляемых снах, осознала, что у болота нет краев.

Горечь предчувствия захлестнула ее. Взглянув на еще далекую, но уже четко различимую фигуру Андрея, вытащившего ногу из тины и бродившего теперь по побережью в поиске способа перебраться на другую сторону, Джулиан прочитала в знакомых ломаных жестах незнакомое отчаяние.

– Как ты здесь оказался? – спросила она, поддавшись жалости. Андрей имел привычку принимать во время разговора вид каменной статуи – так ему лучше удавалось понять, в каком состоянии находится собеседник. Он застыл и сейчас, напряженно улавливая слова с другого берега и пытаясь определить, настроена ли Джулиан на мирные переговоры – но та, зная каждый ход мысли Андрея наперед, проницательно следила за ним, как сфинкс. – Давно ты здесь? – отчетливее повторила она.

– Не помню, – донесся растерянный голос Андрея. Он нашел какую-то ветку и пытался соорудить из нее подобие моста. – Может неделю, может месяц.

В отражении тины Джулиан удалось разглядеть уставшее лицо забытого друга.

– А ты? – донеслось от Андрея.

– Только что, – отозвалась Джулиан.

– И каким образом ты сюда попала?

– Это тебя не касается, – отозвалась Джулиан. Андрей не расслышал, но ей было все равно. – Давай идти в одну сторону, пока это болото не закончится!

Андрей кивнул, и они двинулись вдоль берега, переступая острова вод, вышедших из болотистой бездны, обходя тысячелетние деревья, обтянутые паутиной, и растения с экзотическими листьями.

Джулиан вдыхала пряный воздух, в котором запах брусники смешался с ароматом незнакомых ягод. Андрей время от времени бросал с того берега вопросительные взгляды – но Джулиан была увлечена изучением странных ягод, встречавшихся ей по пути. Боль непростительных обид все еще таяла в обоих сердцах, и молчание сливалось в унисон с неподвижностью болота.

– Как думаешь, это джунгли? – Андрей попытался завязать разговор. Джулиан спокойно созерцала лес, думая, зачем Заказчик отправил ее именно сюда – в лес ее детства, где она играла с друзьями, чьи имена давно позабыла. Зачем она встречает Андрея, с которым рассталась несколько недель назад и которого пыталась забыть.

– Я смотрю, – медленно сказала Джулиан, неохотно отведя взгляд от фиолетовых тростников пальмы, блестящей в свете то ли утреннего, то ли вечернего света, – Ты изменил своему решению не разговаривать со мной?

– Кроме тебя, тут особо не с кем говорить, – усмехнулся Андрей. В этот момент пробежал заяц цвета спелого яблока, и Джулиан чуть не поддалась желанию броситься вслед за ним. Она воспринимала все происходящее как витки сновидения.

– О господи, ты видела?! – воскликнул Андрей, указывая пальцем вслед убегающему зверю. – Красный кролик!

Джулиан, еще не отвыкшая от непосредственности двадцатипятилетнего Андрея, продолжала молчать.

Пройдя еще несколько сотен метров вдоль болота, которое стало напоминать неподвижную реку, она заметила серебристую лань, скользнувшую вдалеке и перепрыгнувшую с одного берега на другой. На мгновение Андрей и Джулиан застыли, взглянув друг на друга в смутной догадке – но она тут же канула в горечи прошлого, которое всколыхнула внезапная встреча взглядов.

– Ну так что, – многозначительно произнес Андрей, решив идти напролом, – значит, ты все-таки поссорилась с Кевином?

Джулиан потемнела, слившись с мглой, просачивающейся сквозь кроны. Жаркий день сменялся теплым вечером, свет листьев преломлялся сквозь черно-белый фильтр. Цветы отбросили тени.

– Нет, – отрезала Джулиан. – Я хотела это с тобой обсудить, но ты пресек любую возможность общения со мной.

– А как насчет Айриса?

Джулиан чуть не споткнулась.

– Все, что связано с Айрисом, – гневно сказала она. – Тебя не касается. Я не знаю, как мы здесь оказались и почему – но, предполагая, что это мое осознанное сновидение, я сейчас развернусь и уйду. А ты утонешь в этом болоте.

Проговорив все это на одном дыхании, Джулиан развернулась. Ненависть, смешанная с презрением, всколыхнулась в ней, как вода.

– Нет, не уходи, – дрогнул голос Андрея. Обернувшись и невольно встретившись с ним глазами, Джулиан увидела отпечаток немого ужаса и инстинктивно сжалась. Перед ней был не тот человек, которого она знала.

– Что здесь произошло? – спросила она.

– Не оставляй меня здесь, – глухо сказал Андрей.

– Почему?

– Это место опустошает.

– Или заставляет почувствовать себя самым собой?

Андрей смотрел без игры или недоверия. В его глазах сквозила пустота, освещенная искрой надежды.

Джулиан впервые предположила, что она находится не во сне, куда ее отправил сумасшедший незнакомец подмешав в чай снотворное, а в какой-то неконтролируемой реальности.

– Ты точно думаешь, что нам это не снится? – спросила она. Андрей надрывно рассмеялся.

– Попробуй освежиться в этом болоте, – горько предложил он. – Я уже пытался – в итоге два дня ходил и мерз. К тому же, мне никогда ничего не снится...

– Но... Ты же не чувствуешь голода или жажды? – Джулиан опустила руку в затягивающую тину и тут же отдернула, убедившись в реалистичности ее холодной вязкости.

– Не чувствую, – озадаченно подтвердил Андрей, – Мне достаточно наестся черники и еще... Вон тех фруктов... – он указал на куст смородины – так можно было бы ее назвать, если бы ягоды не были ядовито-бирюзового цвета. – И голод пропадает. Тут повсюду не только болота, но и родники, пить можно сколько угодно.

– Дикие звери есть? – деловито поинтересовалась Джулиан, решив на время забыть о межличностных расправах.

Андрей сбивчиво поведал о том, как он несколько дней бродил, сталкиваясь с несуществующими животными, которые только пугали его, не причиняя физического вреда, и, наконец, рассказал, что он видел своих родителей – и их смерть.

– В таком же болоте, – сказал он. – Это было так правдоподобно. Я не мог добежать до них, а они медленно тонули. Это был как в кошмаре... Но я все равно не верю. Еще несколько дней назад я видел их в Казани живыми и здоровыми.

Джулиан узнала о том, что в лесу живет “ведьма” по имени Клара. Услышав ее имя, она насторожилась и вспомнила Айриса.

– Это хорошая ведьма, она спасла меня от одного из духов, – пояснил Андрей, – но я потерял дорогу к ней.

Они уходили все дальше в необъятный лес, и сумеречный свет шел за ними вслед. Из-за крон опустился багровый закат, а на горизонте закругляющегося болота мерцало светлое пятно.

Звери перестали им попадаться. Когда болото закончилось, на полуострове, соединяющем два берега, светлым пятном оказалось едва различимое в стусившейся темноте тело.

Предугадывая его безжизненные очертания и боясь оказаться точной, Джулиан бросилась к лежащему человеку. Андрей в ажиотаже догонял ее.

– Кто это? – кричал он вслед, словно учуяв приближение чьей-то беды и испытывая от этого прилив сил.

На земле с мерцающими, как хрусталь, глазами лежал мальчик с ярко-рыжими волосами.

Глава 2

На дне запылившегося зеркала

– Он без сознания, – сказал Андрей, проверив пульс. Мальчик не шевелился, в его зрачках отражалось свинцовое небо, заслоненное кронами. В сжатой руке белел конверт – Джулиан непослушными пальцами достала письмо.

“Дорогая Джулиан,

Кто-то оставил у нас на вечеринке черное зеркало.

Говорят, оно предсказывает будущее.

Когда я смотрю в него, на запылившемся зеркальном дне отражаются слезы счастья и горя, обрамляющие твое лицо.

У меня нет возможности вживую узнать, почему ты плачешь – на утро после того, как я с тобой разговаривал, ребята устроили мне разборку. Выпытали, что я взял тебя за руку, после чего Айрис счел дебилем.

Мне, в принципе, неважно его мнение – но все происходящее сильно отражается на моем продвижении в группе. Вопрос моего участия в ней сейчас в принципе под вопросом. Есть вероятность, что вместо меня на роль барабанщика возьмут сына продюсера.

Я ни в коем случае не хочу обвинять тебя в том, что происходит. Наоборот – я хочу только подчеркнуть, что ради тебя я, кажется, готов даже на то, чтобы отказать ребятам в сотрудничестве.

Но, в любом случае, нам пока что лучше не общаться. Пока что – помолчим.

...

...

...

Только хотел отправить тебе письмо, как почувствовал, что засыпаю. Краем глаза я увидел сон... В котором нашел какой-то ключ. Не знаю, откуда он – похож на ключ от той кладовки, в которой что-то держит Айрис (он никому не рассказывает, что там). Все смеются, что он прячет там женскую одежду, которую надевает по ночам. Его никогда не бывает дома ночью – и никто не знает, куда он уходит. Я вообще никогда не видел его спящим (в Москве).

Но не суть. Этот ключ оказался в лесу, я его нашел и спрятал... А что было потом, я не помню. Мне кажется важным сказать тебе это – потому что в том сне была и ты тоже. Ты искала меня.

Прости, что так долго не пытался тебя найти.

...

...

...»

Письмо запестрило перечеркнутыми строками и оборвалось.

Джулиан вернулась из воспоминания о давней встрече и спрятала письмо в карман. Затаив дыхание, прислушалась к лесу, который обрел очертания живого существа. Протянула руку к цветам, распускавшимся рядом с рыжеволосым мальчиком, и тут же отдернула – на одном лепестке ядовитой гуашью пробежала капля крови.

Джулиан вытянулась, оглядевшись, и впервые ощутила незримо надвигающуюся опасность, окончательно связавшую происходящее с реальностью – и в то же время отрезавшую от всего, что нельзя назвать сном. Андрей следил за ней, настороженным видом напоминая размытый вопросительный знак.

- Мы в ловушке, – тихо сказала она, наконец, – нам надо найти ключ.
- Ты его знаешь? – спросил Андрей, вглядываясь в неподвижное лицо лежащего.
- Сама не знаю, – неопределенно ответила она.
- Надо отнести его куда-то, не оставлять же здесь.
- Ему это не поможет. Придется ему нас здесь подождать...

Джулиан еще раз вникла в письмо.

- О чем там говорится? – спросил Андрей.
- Не суть... Главное, что надо найти ключ, который позволит нам отсюда выбраться.

Найдя цель, Джулиан поняла, что лес перестал напоминать шкаф с монстрами из детства, будто она с Андреем снова перенеслась в контролируемое сновидение.

– Он пытается что-то объяснить, но часть письма уничтожена, – заключила она, пытаясь разобрать буквы на зачеркнутых строках, – Он попал сюда, видимо, как и мы, – заснув – и спрятал ключ. После чего, предположительно, подвергся нападению – или проснулся. Не знаю, что означает его состояние.

- Ты все еще надеешься, что это только сон?
- Может, не только. Может, это наркоз или кома. Он пишет, что он засыпал и видел, как прячет ключ и как я его ищу... Очевидно, он описывал именно это место.
- Что ж, может, тогда поищем у него в карманах?
- Скорее всего, он поступил хитрее... Даже слишком.

В карманах нашлась только пустая сигаретная пачка. Андрей и Джулиан ходили кругами вокруг островка, на котором лежал мальчик, в поисках проблеска, который мог бы оказаться заветным ключом.

- Зеркало, – рассуждала вслух Джулиан, – он видел меня в черном зеркале...
- А, “предсказатель”? – откликнулся Андрей, – забавная штука.
- Ты знаешь, что это? – удивленно переспросила Джулиан.
- Забавное приложение, детская игрушка. Некоторые всерьез верят в него, как в гороскоп.

– Возможно... – задумчиво отозвалась Джулиан и обратила внимание на мерцающую гладь болотного озера. На мгновение ей показалось, что там – на дне – спрятан ключ, но потом она вспомнила, что так бывает только в кино.

Водная гладь окрасилась в хроматические тона, растения дышали теплым ветром. В темноте нитью светилась тропа, ведущая от болота в изумрудную неизвестность.

Андрей и Джулиан шли по ней, не оглядываясь, пока ночь не накрыла лес невесомой вуалью.

Глава 3

В капсуле огневых часов

Дорога петляла и ветвилась на русла, которые затем вновь сливались в единое сияющее течение.

Андрей изредка прерывал шелестящую тишину вопросами, но Джулиан сосредоточенно молчала, и они проваливались в оглушительную темноту, как искры света – в воронку мертвой звезды.

Первым полусловом, произнесенным Джулиан, было восклицание, когда она заметила на дороге золотистый блеск. На тусклой мшистой земле сияла капсула, освещенная горящим фитилем. Ее стеклянная поверхность была окаймлена серебряной цепочкой. Золотистое свечение, окружавшее странный предмет, усилилось под удивленным взглядом Андрея.

– Ого, – воскликнул он, взяв капсулу за серебряную цепочку и поднеся ее к глазам, – это же древние огневые часы!

– Странно, – сказала Джулиан, вглядываясь в ровное горение фитиля, закрученного спиралью, – Ты умеешь определять по ним время?

– Судя по печати, фитиль рассчитан на 12 часов, – сказал Андрей. – Видишь?

На одном из цепных колец были выбиты римские цифры “XII”.

Андрей достал мобильный телефон и сверил время.

– У тебя все это время был телефон? – воскликнула Джулиан.

– Смысла в нем нет, – вздохнул Андрей, – здесь все равно нет связи и время периодически останавливается. Сейчас, вроде бы, идет.

Приглядевшись к пламени, Андрей подождал несколько минут и выдал ответ:

– Сантиметр сгорает за 5 минут. Фитиль рассчитан на 12 часов, как я и предполагал, ... Значит, его зажгли всего.. О! не больше получаса назад...

Джулиан выдохнула:

– Возможно, мы успеем догнать того, кто это сделал. Скорее.

Андрей убрал миниатюрную капсулу в карман и бросился вместе с Джулиан по тропе, отбрасывая в сторону листья и темноту, режущую глаза.

Они бежали в погоне за неизвестным, пока деревья не расступились, открыв пустынную поляну, окаймленную линией ручья. Остановившись на пороге открывшегося вида, Джулиан перевела дух. Андрей припал к воде.

С края поляны белел неприметный дом, городским видом не гармонировавший с диким окружением. Он казался вырезанным из бесцветного картона и неловко приклеенным к пустоте поляны.

– Кем бы ни был тот, кого мы ищем, – он может быть там, – предположила Джулиан, с надеждой глядя на дом.

– Я бы не гадал, – заметил Андрей, опасливо оглядывая пространство, пестреющее зеленью. В лунном свете она отливала ядовитым оттенком. Андрей втянул носом воздух. – Здесь какой-то странный кислород, как будто отравленный – я чувствую неорганический запах.

Джулиан, давно убедившаяся в трусливости Андрея, решительно направилась к дому. Андрей заметно отстал.

Джулиан с презрением ускорила шаг и, подойдя к бесцветной двери дома, постучала.

– Открыто! – раздался высокий голос.

Помещение оказалось просторнее, чем можно было предположить. В конце светлого коридора с закругленными углами, нагнетающими иллюзию бесконечности, мерцала точка – она росла, превращаясь в фигуру женщины, стремительно приближающейся к Джулиан. Хозяйка

оказалась блондинкой в длинном красном платье, усыпанном драгоценными камнями. Их свет перекликался с платиновым сиянием стен.

– Здравствуй, дорогая, – прошепел голос, напомнивший голодных костистых докторш из поликлиник, которые на время обретают человеческий облик при виде подарочной коробки конфет в руках пациента.

Джулиан убрала руки в карманы, нащупав в одном из них обжигающее письмо.

– Здравствуйте. Мы с другом немного заблудились – не подскажете, что это за местность и который час?

Эхо вопроса исчезло под невидимым потолком.

– Меня зовут Терция, – сказала блондинка. – Добро пожаловать в мой дом. Теперь вы – мои гости.

Андрей, услышав человеческие голоса, просочился в дом вслед за Джулиан.

– Дождь пошел, – буркнул он, закрыв за собой дверь и испуганно взглянув на улыбающуюся хозяйку. Она напоминала чеширского кота – словно угадав мимолетное сравнение, Терция сказала:

– Кстати, познакомьтесь с Донбассом, – из белизны выступил пушистый платиновый кот. Он беззвучно описал круг и выразительно замер у стены, не сводя магнетического взгляда с Андрея.

– В Вас есть какая-то нечистая сила, молодой человек, – улыбнулась Терция, – Донбасс всегда это чувствует... Но что-то мы здесь застряли, друзья, – пойдемте.

Она повела удивленно переглядывавшихся «друзей» в конец коридора, где они перешли в зеркальный зал. Стены и потолок заполнили отражения гостеприимной улыбки, недоверчивого взгляда Джулиан, которая так и не услышала ответ на свой второй вопрос, и восторженного лица Андрея при виде сервированного стола. Терция парила в зеркалах, быстро перемещаясь от бара к столу, расставляя перед гостями яства, разливая душистый чай, рассказывая про способы приготовления творожного пирога и особенности породы американских кошек. Ее насыщенный голос сочетал властные интонации с переливчатым смехом. В ее манере говорить, распевая фразы, и в долгом гипнотизирующем взгляде было что-то от мифических сирен.

Спустя полчаса светского общения, во время которого Джулиан, как и Андрей, забыли о том, почему они здесь, – опомнившись, возможно, от резкого чувства жажды, Джулиан (она не притрагивалась к чаю) опять поинтересовалась, сколько времени.

– Здесь нет времени, – безмятежно ответила Терция. Снежные волны ее локонов покачивались в такт словам, как усыпляющий маятник. Андрей, доев последний бутерброд, откинулся на спинку утопающего кресла.

– Как так? – переспросила Джулиан, стараясь не смотреть на предложенные блюда. Тарелка с пирожными, вылепленными из превосходного песочного теста, начала двоиться в глазах.

– Скажем так, – сказала Терция, и впервые приветливая светскость в ее голосе поблекла, – те, кто попадают в этот лес – они как Алиса из американской компьютерной игры. В реальной жизни – сумасшедшие в припадке, или же здоровые, находящиеся в коме. Поэтому все, что тут происходит, полностью зависит от силы воображения – то есть, непосредственно, от тебя, Джулиан.

Андрей заснул, его руки беспомощно свисали с кресла.

Джулиан выпрямилась, выдержав пронзительный изучающий взгляд Терции.

– И Вы – тоже в моем воображении? – спросила Джулиан.

– А разве ты меня не помнишь? – улыбнулась хозяйка. Джулиан стала перебирать в памяти знакомых с тяжелыми белокурыми волосами и высоким голосом, но нашла лишь отдаленно похожий образ школьной подруги.

– Нет, – честно призналась она, – я Вас не помню.

Терция, совмещая безмятежность с ноткой досады, мягко сказала –
– Я – архетип твоего бессознательного. Помощница.

Неожиданно в голове Джулиан всплыли образы, являвшиеся к ней на помощь в кошмарах. Джулиан отмахнулась от этой мысли – ей стало казаться, что она внушенная.

«Старая ведьма», – подумала Джулиан, незаметно оглядывая сложное зеркальное пространство зала, в котором не было видно ни выхода, ни входа. Вслух она произнесла:

– Подождите... Кажется, я все-таки вспомнила. Ну да, конечно... – бросая взгляд на стену, где когда-то была дверь, через которую они прошли, – Кажется, в том сне, где я падаю в пропасть. Вы меня вытащили оттуда. Ну конечно, Вы – архетип феи.

Терция, довольно кивая, подливала Джулиан чай. На потолке отразился платиновый кот, привлечший внимание Джулиан к черной дыре темнеющего люка. Кот запрыгнул на стол, едва не сбив блюдо с пирожными.

– Кыш! – бросила Терция, взмахнув длинным рукавом, усыпанным гранатами. Донбасс исчез в отражениях на зеркальном полу.

– Знаете, пожалуй, уже поздно, – тихо сказала Джулиан, начиная расталкивать Андрея. Терция с неподвижным, как фарфор, лицом наблюдала за ее попытками. – Пора идти – нас ждут.

Андрей проворчал что-то сквозь сон, мотая головой, и перевернулся на другой бок.

– Он не проснется, – спокойно сказала женщина в красном.

В воздухе раздался звук удара по стеклу – на пол скатилась капсула огневых часов. Фитиль догорал, превратившись в искру, почти касающуюся дна.

Глава 4

Мозаика гранатовых зерен

Не выпуская Терцию из поля зрения, Джулиан подобрала часы и спрятала в карман. Судя по фитилю, за время их пребывания в доме наступил рассвет – а казалось, что пролетело не больше получаса.

Джулиан поднялась из-за стола.

– Спасибо за гостеприимство, – сказала она Терции, внимательно следившей за ней, и решительно вытащила Андрея из кресла. Кое-как взвалив его на плечо, Джулиан смогла сделать лишь несколько шагов.

Ей пришлось взглянуть в спокойные глаза Терции, которые стали напоминать взгляд убийцы из старых фильмов ужасов, о чем существовании зритель узнает по голосу из-за кадра и чьей-то внезапной смерти.

Джулиан отогнала крадущийся страх, но, словно ему на помощь, свет в зале изменился, приобретя красноватый отлив. Отражения в зеркалах померкли так, что удавалось различить лишь сияние платинового кота, время от времени мелькавшего в разных углах.

Терция молчала, зловеще улыбаясь; Джулиан выпрямилась, догадываясь, что сейчас, как в кошмаре, она не сможет пошевелиться и вокруг начнется хаос.

Однако произошло нечто иное.

Черты Терции начали расплываться, сливаясь с переливами платья, пока не превратились в чистое пурпурное сияние, растворившись в гранатовых переливах зеркал. Стол пропал, тарелка с фруктами канула в отражениях.

Джулиан оказалась в пустом лабиринте, состоящем из зеркальных осколков. Как будто платье Терции превратилось в сплетение коридоров, окруживших Джулиан, а камни с его рукавов стали лазерами, освещающими пространство красным. В одном из зеркал затерялся Андрей – было видно лишь его спящее лицо, в гранатовом ультрафиолете казавшееся пластиковым. Джулиан сделала шаг, едва не упав – осколочные отражения в бесконечных коридорах дрогнули, исказив пространство. Отражение Андрея перетекло из одного зеркала в другое. Взглянув на себя в одно из них, Джулиан вновь с трудом восстановила равновесие – из-за бликов гранатового света казалось, что она в крови.

Джулиан закрыла глаза. Когда головокружение прекратилось, она увидела в конце лабиринта возмужавшую точку – как тогда, когда пришла в дом.

На этот раз точка оказалась не Терцией, а платиновым котом.

Он пробежал мимо, сверкнув золотыми глазами, и Джулиан, стараясь не поскользнуться на гладкой поверхности зеркал, пошла за ним.

На стене мельком пронеслось знакомое лицо – Терция вела Андрея, у которого все еще были закрыты глаза, за руку. Джулиан ускорила шаг – Донбасс напал на их след.

Наконец, кот замер и обернулся.

Джулиан поняла, что необходимо что-то предпринять – однако вокруг по-прежнему мерцало, переливаясь рубинами, зеркальное пространство, заполненное отражением ее тревожного лица. Потом в зеркалах началось мелькание – Терция перемещалась от одного зеркала к другому, молча, улыбаясь, словно водя хоровод вокруг Джулиан. Кот сначала следил за ней взглядом, потом начал делать броски.

Улыбка Терции, безжизненная и убийственная, смыкала вокруг Джулиан и Донбасса кольцо.

Глядя на кота, пытавшегося поймать отражение хозяйки, Джулиан достала из кармана огневые часы – фитиль окончательно превратился в искру – и, прицелившись, бросила капсулу

в зеркало, следующее после того, в котором только что мелькнула зловещая улыбка. Лицо Терции исказилось, торжествующее выражение сползло с него, покрывшись трещинами. Зеркало рассыпалось градом осколков, а за ним треснули и распались другие зеркала. Кот взлетел в охотничьем броске и побежал дальше по коридору – Джулиан кинулась за ним.

За ее спиной искра разбившейся капсулы подожгла пространство – Джулиан бежала, слыша свист осколков, рассекающих воздух. В бегстве от багрово-зеркальной волны она не смогла увернуться от одного осколка, вонзившегося ей в плечо. Джулиан не прекращала бег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.